



## Вадим Пушкарёв

Родился 25 сентября 1933 года в Новосибирске. В 1935 году семья переехала в Барнаул. Окончил Алтайский политехнический институт, 50 лет проработал инженером-конструктором на заводе «Трансмаш». Автор ряда автобиографических повестей и рассказов. Умер в 2012 году.

## БЕЛОЕ ЧУДО

— **Б** бабушка, дай корзинку!  
— Зачем?  
— Я иду завтра в лес за грибами.

- Интересно, с кем?
- С Володьшей.
- А не заблудитесь?
- Я сказал тебе, с Володьшей!
- Ну, смотрите у меня!

Против Володьши бабушка не возражала. Нашлась и старая базарная корзина с дырявым углом, заделанным тряпичной затычкой. С наказом «не потерять» выдан тупой столовый нож со старомодной ручкой из фальшивого серебра. Купленный недавно будильник поставлен на шесть часов. На этом мои приготовления к завтрашнему походу закончились.

А в седьмом часу утра мы уже топали с корзинками в нагорный бор, стараясь обходить босыми ногами холодную

от обильной августовской росы траву-мураву еще безлюдных в этот час окраинных улиц.

У бабушки было трое внуков — Витьша, Вадьша, Володьша.

Витьша — старше меня на два года, а Володьша — ровесник. Мои двоюродные братья появились на свет в деревне. В войну, после ухода отца на фронт, они вместе с матерью перебрались в город. Каждый привез с собой свое чисто сибирское прозвище. А вскоре оно приклеилось и ко мне.

Володьша — губастый кареглазый парнишка, в отличие от своего рассудительного старшего братца, был, как говорили о нем в нашей родне, «не горшок, а угодник».

Безотказный в любом деле, он с лопатой или тляпкой в руках каждое лето помогал матери управляться с картошкой, посаженной на учительской пашне, в нагорном бору у Первомайского кордона. Вместе с прозвищем Володьша привез в город множество знаний и умений, которые могло дать человеку только деревенское детство. Он великолепно ориентировался в лесу, не раз подсказывая растерявшимся взрослым верное направление при редких совместных грибных вылазках. Он так и сыпал названиями лесных приметных мест: Лысая, Озерко, Большая просека, Морозовские дачи, Пионерлагерь... В общем, бабушка отпустила меня с ним по грибы, надо думать, с легким сердцем.

В нагорном бору я бывал и раньше. И за грибами тоже шел не впервые. Изредка выбираясь с грибной компанией в лес, мама брала меня с собой. Я вяло плелся за непрерывно болтающими женщинами, и все хорошие грибы доставались другим. Грибы, найденные мною, оказывались поганками и немедленно выбрасывались. Мне был непонятен тот азарт, который чувствовался в поведении сборщиков. Даже всегда сдержанная мама, показывая только что найденный ею гриб, торопила меня поскорее рассмотреть его, а сама уже шарила глазами дальше, ходя кругами вокруг находки.

Один раз с нами в лес пошел сосед Николай Иванович, дядя Коля, рабочий завода, эвакуированного из Сталинграда. Он подозрительно быстро набрал целое ведро. Когда все присели отдохнуть, Володьша с обидным смехом начал разбирать трофеи

дяди Коли. Почти все они оказались поганками. Откуда ему, уроженцу степных мест, было знать тонкости грибной охоты! Вот и я тоже недалеко ушел от дяди Коли, запомнив, как выглядит разве что мухомор.

Как раньше, в пору моих первых робких попыток проникнуть в лесной мир, которые я делал вместе со школьными приятелями, бродя с ними по кромке бора и не решаясь углубиться в лесную чащу, так и сейчас, в моих неудачных грибных походах я оставался лишь равнодушным созерцателем, нейтральным соучастником, покорно идущим туда, куда меня вела мама или случайная компания сверстников.

А лес, он и тогда был настоящим, непридуманным лесом, встречавшим меня аптечным запахом хвои и нагретых солнцем сосновых стволов, особой таинственной тишиной лесной глухомани, сыростью заросших высокой травой низинных мест.

Я уже слышал величественный голос векового бора, когда в ветреную погоду мириады сосновых хвоинок пропускают сквозь себя поток первозданного лесного воздуха, и это рождает неповторимый, единственный в мире, низкий, на грани слышимости, но одновременно мощный, ни на секунду не прекращающийся, монотонный, но не утомляющий слуха и никогда не надоедающий гул. Вершины неумолчно шумят, а внизу полное безветрие, делающее лес уютным, теплым и каким-то домашним, особенно в ненастную и холодную пору.

Но как грозно преобразается лес, когда попадаешь в него один!

Все дремавшие страхи, оставшиеся от немислимо далеких доисторических времен, вдруг просыпаются в человеке, особенно если этот человек десятилетний мальчишка, легкомысленно решивший в одиночку предпринять лесную прогулку, чтобы сделать сюрприз для бабушки — набрать мешок самоварных шишек. На опушке пригородного разреженного леса, даже не леса, а отдельных групп сосен без подлеска, шишки регулярно собираются окрестными жителями, и волей-неволей приходится идти вглубь. Звуки городской жизни — лай собак, шум редких машин, ребячий гомон постепенно затихают, и настороженную душу

облегает зловещая тревожная тишина. Кругом в безмолвии сомкнулись деревья, за каждым из которых мерещится ужасное. Лихорадочно собираешь сосновые шишки и чувствуешь, что сзади на тебя кто-то смотрит. Назад оглянуться невообразимо страшно. В конце концов оглядываешься. Никого нет. И от этого одиночества становится еще страшнее.

Впоследствии мне не раз приходилось ночевать одному в лесу, правда, с существенной оговоркой — на берегу реки. Открытое водное пространство каким-то образом изменяет ощущение затерянности и делает его легче переносимым. Я окружен известным комфортом: у меня палатка, в ней электрическое освещение от аккумуляторной батареи мотороллера, на котором я и забрался в эту глушь. Можно даже перед сном почитать. Но какая-то генетически заложенная тревога в душе остается, заставляя в ночной темноте прислушиваться к каждому шороху в лесу и плеску в реке. И только с восходом солнца эта тревога бесследно пропадает.

Но сейчас лесных страхов нет и в помине. Я иду рядом с Володышей, не примечая дороги, прекрасно зная, что мой спутник никогда не заблудится и не собьется. Городские улицы давно кончились, и мы уже порядочно прошли под пологом леса. Миновали легкие летние домики еще не проснувшегося Пионерлагеря, приближаемся к Лысой. Наши босые ноги с огрубевшей, а вернее сказавшей, ороговевшей за лето кожей, не знающие обуви со второй половины мая и до едва ли не первых заморозков, бесстрашно ступают по сосновым корням лесной дорожки, по шишкам, остерегаясь разве что редких осколков бутылочного стекла, которые могут попасться на пути.

Показалась Лысая. Мы пересекаем Малую просеку с дорогой, ведущей к городской тюрьме, и выходим на громадную поляну. Это большая старая вырубка, длиной чуть ли не в километр, получившая название Лысая, разделенная пополам глубокой канавой неизвестного назначения. Выбранная из канавы земля образовала невысокую насыпь, по вершине которой вьется знакомая тропинка. Насыпь обсажена молодыми березками. В мае эти березки покрываются молодыми светло-зелеными, еще

не успевшими потемнеть листочками. Полакомиться ими слетается множество майских жуков.

Если хорошенько стукнуть ногой по стволу такой березки, на землю сыплется град из толстеньких насекомых. Некоторые жуки, падая, норовят чувствительно щелкнуть тебя по голове. И только самые расторопные из них успевают раскрыть крылья и, басовито жужжа, улететь.

Время майских жуков давно прошло, и мы оставляем березки в покое.

Но вот и Лысая позади. Предстоит конечный перегон до Большой просеки и Первомайского кордона. Уже можно приступить к цели нашего путешествия.

Мы сходим с тропинки и углубляемся в лесные заросли. Перспектива в лесу ограничена несколькими десятками метров. Но и этого расстояния достаточно, чтобы убедиться, что нагорный лес стоит на очень пологих, чуть заметных увалах. Где пониже — буйная зелень лесного разнотравья, где повыше — трава уступает мху-беломошнику, который то стелется сплошным ковром, то лежит отдельными овальными моховыми подушками, в которых приятно тонет босая нога.

Я замечаю, что Володьша предпочитает двигаться по вершинам увалов. Он резко замедлил шаги, в руках у него появился нож. Я делаю то же самое, хотя грибов пока не видно, за исключением вызывающе торчащих красных с белыми крапинками шляпок мухоморов.

— Мой! И это мой! И это мой! — вдруг восклицает Володьша, тыкая ножом в разные стороны.

Я останавливаюсь. Под моими ногами толстая рыжеватая хвойная подстилка, несколько пучков растущей круглыми кочками лесной травы, моховые подушки... И никаких грибов!

Между тем, прямо у моих ног Володьша опускается на колени. На абсолютно ровном месте он ножом разгребает хвойный слой, плотный, как войлок. Обнажается серенькая, бедная перегноем, промытая дождями лесная почва. Сейчас Володьша похож на хирурга, приступившего к операции и уже подготовившего операционное поле. Больной усыплен. Разрез сделан.

Ассистенты (в данном случае это я) замерли в ожидании дальнейших действий мэтра. Но что это! Посередине вскрытого участка находится чуть заметный земляной бугорок явно искусственного происхождения, чем-то (или кем-то) приподнятый изнутри так, что наверху бугорка есть даже маленькая трещинка. Сквозь нее что-то (или кто-то) белеется.

Несколько движений ножом, и появляется идеально круглая шляпка миниатюрного грибка абсолютно белого цвета, белизна которого дополнительно подчеркнута землей, налипшей на его вогнутую поверхность.

— Есть! — торжествующе говорит Володьша, подрезая ножку гриба и извлекая его на свет божий. — Груздь!

Еще два крохотных груздя, добытых буквально из-под земли, появляются на моих глазах один за другим. Затем Володьша начинает действовать ножом явно наугад, и через несколько минут вся хвойная подстилка на полянке перевернута вверх дном. Груздей в корзинке моего напарника, однако, не прибавилось.

Но как он сумел обнаружить первые три груздя?!

Теперь мы уже двигаемся параллельными курсами. Я отошел от Володьши на несколько шагов и, выдерживая общее с ним направление, напряженно, до рези в глазах, всматриваюсь в свой сектор обзора, стараясь обнаружить засаду белоснежных подземных жителей. Ведь должны же быть какие-то признаки, которые сумел рассмотреть мой спутник! А тот еще несколько раз внезапно останавливался и извлекал из-под хвойной подстилки очередные трофеи. Стали попадаться и другие грибы. Я набрел на маленькую семейку масляников, добыл пару-другую сыроежек (названия грибов мне подсказывал Володьша). Но все это было не то. Выйти на них была чистая случайность. Дальше никакого умения не требовалось. А я хотел не просто случайности, но случайности, связанной с умением не пройти мимо оказавшегося на моем пути невидимого подземного отшельника.

И мое страстное желание было наконец удовлетворено.

Я вышел на небольшую полянку, где пышные белесоватые коврики мха-беломошника перемежались с круглыми шапками-кочками неизвестной травы. Около одной из таких шапок

хвоя вздулась правильным холмиком, удивительно похожим, — не нахожу сейчас другого сравнения, хотя оно может кому-то показаться и рискованным, — на женскую грудь. Не обнаженную, конечно, а на грудь, приподнявшую грубошерстную вязку свитера или другой подобной вещи.

С забившимся сердцем я опустил перед холмиком на колени. Руками, не прибегая к ножу, снял, будто крышу, слой хвои. Копаться в земле не пришлось. Крупный, с удивительно правильной шляпкой, белоснежный красавец груздь явился передо мной во всей своей первозданной красе. И, казалось, первым в мире, кто нашел и увидел эту красоту, был я.

Я осторожно срезал ножом мое сокровище и положил его в корзинку ножкой вверх. Володьша уже стоял рядом и молча следил за моими действиями.

Неважно, что в окрестностях моего первенца он непостижимым образом снова раздобыл несколько крохотных груздочков. Неважно, что мои, найденные в этот день грузди, едва закрывали дно, а у Володьши их было по меньшей мере полкорзины. Неважно, что я так и не постиг секрета обнаружения только что народившихся маленьких подземных хитрецов.

Дело было сделано.

В этот день из нейтрального созерцателя я превратился в собирателя и добытчика, азартного грибника-груздевика.

Но наш поход еще не кончился.

Отправляясь за грибами, мы не взяли с собой ничего поесть. Точнее сказать, дома нас не снабдили хлебом, этим абсолютным эквивалентом еды в то суровое голодное время. Сбор грибов считался баловством, и тратить на него хлеб не полагалось.

Между тем, несмотря на неспешное передвижение по лесу, частые остановки и кружение на месте, несмотря на то, что наши корзинки со скромной добычей представляли больше символическую ношу, к полудню аппетит у нас разыгрался не на шутку.

Но рядом со мной был Володьша.

Мы уже вволю нащипались и напробовались кисловатых листочков дикого щавеля, когда брат радостно ткнул меня в бок.

— Смотри, саранка!

— Где?

— Да вот же она!

Я действительно увидел невысокий столбик скромного растеньица, отдаленно похожего на садовые саранки, которые каждый год высаживались на цветочную грядку в нашем огороде. Гипертрофированная красота садовых саранок казалась даже несколько вульгарной. Вызывающе красные, усеянные множеством черных точек, чересчур загнутые лепестки крупного цветка.непропорционально большие усы нахально торчащих тычинок. Тоже загнутые, слишком декоративные, лаковые листья. И у основания каждого листа сидит блестящий круглый черный шарик.

Их лесная сестрица выглядела бедной родственницей с бледно-розовым небольшим цветком и матовыми листьями, без всяких там шишечек. Но Володьшу это не смутило. Он решительным движением надломил стебель и начал ножом раскапывать корень. К моему удивлению, корень закончился довольно большой чешуйчатой луковицей желтоватого цвета. Через минуту она была уже в руках у Володьши. Он деловито вытер ее о штаны, разделил на две части и половину протянул мне.

— На, ешь!

— А можно?

— Ешь, ешь, не сомневайся!

Луковица оказалась вполне съедобной, если не сказать вкусной.

Нет, с Володьшей пропасть было просто невозможно!

В этот день я попробовал корень ландыша, который внешне напоминал толстую длинную проволоку белого цвета. Корень имел мятный лекарственный привкус и был пригоден не менее, чем луковица саранки.

Наконец, дело дошло и до наших корзинок. Оказалось, что ножки груздей тоже можно есть!

Мы выбирали грузди покрупнее, ножом отрезали от их ножек кружок за кружком и отправляли в рот. Кружки немного горчили, были пресноватыми без соли, но в пищу они тоже годились. Я уже начал подумывать, что сыроежки потому и называются сыроежками, что их можно есть сырыми. Но Володьша решительно

остановил мои поиски сыроежек в корзине, и мы пошли домой.

С той поры я десятки, если не добрую сотню раз отправлялся на грибную охоту пешком, потом на велосипеде, на мотороллере, а там и на автомобиле, и долгое время грузди были самой дорогой, волнующей и желанной добычей.

Каждый лесной визит прибавлял мне частицу новых знаний о повадках, пристрастиях и маленьких хитростях моих лесных любимцев.

Мало-помалу я освоил секреты обнаружения подземных затворников, которые так поразили меня когда-то в опыте Володьши.

Я уже знал, где растут и с кем любят соседствовать грузди и, не теряя времени, переходил, а потом и переезжал от одного груздевого места к другому. Попадая в незнакомые места, я прежде всего начинал искать шапки-кочки неизвестного мне до сих пор названия, с тонкими узкими травинками, около которых любят гнездиться грузди.

Еще более верным признаком нужной мне грибницы была характерная светло-зеленая, на этот раз стелющаяся по земле травка, названия которой я тоже, к своему стыду, не знаю, и которую я про себя назвал «крестиками». Эта травка тоже является частым спутником груздевого семейства.

А как же с необъяснимым, поразившим меня когда-то умением брата угадать место, где под землей прячется невидимый молодой грибок? Теперь мой наметанный глаз легко решал и эту задачу. Как ни старался новорожденный груздочек не потревожить лежащий над ним слой опавшей хвои, полностью сделать это ему не удавалось. Всегда находилось несколько предательских хвоинок, которые чуть приподнимались над своими соседками. И теперь моих знаний было достаточно, чтобы в свою очередь поражать менее искушенных сборщиков умением обнаруживать грузди на, казалось бы, совершенно безнадежном месте.

Но на этом прелесть охоты за груздями, собственно, и кончалась. Обнаруженный гриб как две капли воды походил на сотни предыдущих. Такая же геометрически точная, круглая, с углублением посередине шляпка с приставшими к ней песчинками

или комочками лесной почвы. Такая же снежно-белая, с неуловимо синеватым отливом, как снятое молоко, изнанка, рассеченная тоже геометрически правильными радиальными пластинками, сходящимися к круглой короткой ножке. Иногда гриб в своем росте натыкался на уже несколько раз упомянутую здесь травяную шапку, или древесный корень, или просто на неудачно лежащую валежину. Тогда шляпка груздя искажалась, становилась порой просто уродливой. Но это лишь подчеркивало однообразие множества других его собратьев. Спору нет, расцветка груздя, вернее, ее отсутствие, по-своему уникальна. Подземный житель, он и окраску выбрал соответствующую — нейтрально-белую. Правда, по мере роста, а значит, старения гриба, наружная сторона шляпки становилась слегка рыжеватой, как бы покрытой налетом ржавчины.

Да и сам подземный образ жизни груздей не походил на повадки всех остальных грибов наших лесов. Но и это в конце концов начинало приедаться.

Вполне закономерно, что со временем романтика груздевых походов поприхла. Осталась лишь промысловая часть охоты за груздями, которая, увы, год от года становилась все менее и менее успешной.

Потихоньку растущий парк мотоциклов и машин у горожан и сельских жителей делал свое дело.

Как ни старался я выехать за груздями пораньше и уехать подальше — итог был один. На известных (и неизвестных) груздевых месторождениях меня неизменно встречали теперь безобразные кучи хвойной подстилки, беспощадно переворошенной на грибных полянах любителями легкой поживы, действовавшими, честное слово, как свиньи. Зачем напрягать зрение и искать персонально каждый грибок? Ведь проще и легче сразу перевернуть ножами, как граблями, всю поляну, найти десяток грибов, загубив при этом остальную грибницу. Одно за другим проверенные годами места истощались, хирели и прекращали существование. Конечно, на моих глазах в лесу происходили и другие, естественные процессы, невольным свидетелем которых я оказывался, но вмешаться и повлиять на которые был тоже не в силах.

Громадная вековая сосна с округлой кроной — верным признаком, что она давно прекратила свой рост, под которой мы с мамой столько раз останавливались передохнуть по дороге на учительскую пашню, где у нас тоже был участок с картошкой, вдруг стала осыпаться в середине лета. Огромные куски коры начали отваливаться у комля, а потом все выше и выше. С каждым годом на умирающем дереве зеленой хвои стало появляться меньше и меньше. Пришло лето, когда дерево встретило меня, уже без мамы, полностью потерявшим зеленый убор, с голым стволом, и только ветер неприятно свистел в его мертвых обнаженных сучьях...

Кругом зияли такие же мертвые разоренные груздевые грибницы с черными гниющими кучами развороченной хвои.

Наступила некая грибная пауза. Но властная потребность общения с лесной стихией осталась. И я переключился на ягодный промысел. Дело было знакомое и привычное.

Уже много лет перед каждым грибным сезоном я совершал как бы разминку, собирая землянику в ближнем нагорном лесу, даже не добираясь до Большой просеки. Но настоящий ягодный бум начался, когда у меня появился мотороллер.

...Знойный день середины июля. Утром я приезжаю на работу на мотороллере, захватив с собой все необходимые принадлежности. Шесть часов вечера. Рабочий день окончен. Не мешкая, я спешу на стоянку к мотороллеру и, не заезжая домой, сразу направляюсь на Гору, за город.

Маршрут давно выверен до метра и до минуты.

Мне знакомы каждая выбоина на асфальте, каждый поворот на лесной части дороги и каждое корневище на ней.

Я знаю, что на выезде из города, на Змеиногорском тракте, меня подстерегает коварное волнообразное образование на дорожном полотне. Мотороллер, попавший в него, сначала взмывает вверх, потом резко клюет вниз, и если зазеваться, то тебя изо всех сил ударяет мордой о плексигласовый ветровой щиток. Время в пути, повторяю, скрупулезно выверено. От заводской проходной до сокровенного места сбора — пятьдесят пять минут бешеной гонки.

Наконец после неистового грохота мотора наступает оглушительная тишина. Только через некоторое время ухо начинает различать пересвистывание лесных птиц да отдаленное глухое ворчание железнодорожного состава, ползущего где-то на другом краю земли. Часы показывают семь. В моем распоряжении два часа светлого времени с поправкой на то, что в лесу темнеет раньше. Место, куда я пригнал мотороллер, найдено давно и столь же давно превратилось как бы в мой собственный ягодный огород. Место настолько интересное, что заслуживает отдельного описания.

Находится оно примерно в километре от железнодорожной станции Ягодное (народ никогда не ошибается в названиях!) и на таком же расстоянии от деревни Мохнатушка. Наткнулся я на него случайно, но и закономерно, раз за разом приближаясь к нему, пока в один прекрасный день не попал, как говорится, в самую точку.

Это крошечная лесная поляна не более двадцати шагов в длину и десяти в ширину, расположенная посередине пологого, еле заметного естественного ската. Чуть выше этой полянки земля становится уже суховатой, и ягода там быстро выгорает на солнце. Чуть ниже — опять нехорошо. Место излишне тенистое и влажное. Земляника здесь очень крупная, но редкая и менее сладкая. И только вот на этом пятачке, не выше и не ниже, ягода растет сплошным ковром, прячась в мелкой, но чрезвычайно густой, плотной траве, всегда в меру пышной и зеленой, независимо от характера лета — дождливого или засушливого. Вокруг полянки стоят несколько гигантских вековых сосен, а в том направлении, куда клонится уже невидимое солнце, ее замыкает громадный трухлявый пенёк под раскидистым кустом черемухи. Вот здесь и можно приступить к тому, что я называю промышленным сбором лесной земляники.

В левой руке эмалированная кружка. Правая совершает безостановочный маршрут: трава — кружка, трава — кружка. На четвертый такт правая рука смахивает с лица успевших облепить его комаров, которые целыми полчищами поднимаются из густой травы. Ягоды так много, что передвигаться практически

не нужно. Можно собирать, стоя на ногах, согнувшись, можно опуститься на колени, если хотите, даже присесть. Но чем ближе к земле, тем яростнее действуют комары. И лучше всего собирать ягоду стоя, согнувшись. Женщины прекрасно это знают, и классическая поза деревенских сборщиц всегда именно такая.

Напомню, что в моем распоряжении только два часа светлого времени и пока еще порожняя двухлитровая стеклянная банка.

В кружку собирать удобнее: нагляднее результат, и можно контролировать темп сбора. В нормальный урожайный год выработка хорошо известна — кружка за двадцать минут. Значит, за час — три кружки, за два часа — шесть кружек. Арифметика нехитрая. По круглому счету и получается: за два часа — двухлитровая банка.

Как ни странно, больше устает левая рука, неподвижно держащая кружку. Правая рука все же движется, меняя свое положение, захватывая по одной, часто по две, а то и по три ягоды одновременно. Мешает трава, из которой ягоды приходится буквально выдирать, постоянно заботясь, чтобы они не были помяты. Земляничины не крупные, но и не мелкие, а в самый раз, и, главное, сладкие. Спустя десять-пятнадцать минут пальцы правой руки становятся красными от сока и настолько пропитываются ягодным духом, что будут пахнуть им и на следующий день.

Через час спина нестерпимо ноет, лицо горит от укусов беспощадных комаров, а правая рука продолжает делать непрерывные, до автоматизма одинаковые челночные движения.

Я словно превратился в первобытного человека-сборателя, который охвачен древним реликтовым страхом перед непредсказуемым завтрашним днем. А инстинкт нашептывает на ухо: «Собирай, скорее собирай! Смотри, как много сегодня еды. Завтра ее может и не быть».

Двадцать минут — кружка. Двадцать минут — кружка...

А рядом, изредка потрескивая, постепенно остывает раскаленный двигатель моего мотороллера.

Вокруг вековых сосен, стоящих по краям «огорода», растут, как и положено, самые крупные и сладкие, но и редкие земляничины. Их не грех и попробовать. Но некогда! Эта, казалось,

однообразная, утомительная, даже изнурительная работа так необъяснимо захватывает, что приходишь в себя лишь тогда, когда стеклянная банка доверху полна спелой земляникой, а невидимое за деревьями солнце уже коснулось горизонта, и в лесу явственно темнеет. Комары стервенеют еще пуще. Теперь, когда дело сделано, их укусы становятся невыносимыми. Быстро пакую банку в рюкзак, замотав ее в старую, специально прихваченную из дома рубашку. Упаси боже везти банку на багажнике! Лесные корни превратят ее содержимое в бесформенное месиво. Снова гром мотора, и я, привстав на подножке и пружиня ногами, чтобы не стрясти ягоду за плечами, лечу домой по лесным дорожкам, уже осененным прохладой чуть сыроватого летнего лесного вечера. Руки и ноги сами, без моего участия, играют педалями и рычагами, а я все еще нахожусь во власти лихорадочного ритма ненасытного ягодного конвейера...

Следующий день — передышка.

А еще через день неодолимо тянет снова повторить всю эту сладкую каторгу. И можно быть уверенным, что полянка опять будет выглядеть как нетронутая.

Не стану говорить о судьбе собранной земляники. Каждый знает, что с ней делать. Для длительного хранения и варки варенья она практически не пригодна. Мне же было достаточно высыпать ягоду в глубокую тарелку и вдохнуть ее аромат.

Нужно сказать, что около моего ягодного заповедника есть запасной участок. Там, вокруг нескольких вывороченных пней, земляники растет не меньше, и с ней соседствует черничник. В конце земляничного сезона к ярко-красным можно досыпать еще иссиня-черных ягод, необыкновенно гармонирующих по цвету друг с другом.

Любопытно, что, бывая здесь десятки раз, я никогда не видел сборщиков ягод, что давало дополнительное право считать место моим.

Может быть, объяснялось это тем, что горожанам добираться сюда, как ни говорите, трудно. Да еще в будний день. А деревенские ягодники, в абсолютном большинстве женщины, я заметил, собирая ягоду, никогда не стоят на месте. Они идут,

непрерывно нагибаясь, практически кланяясь каждой яголке. Но в корзину, в кринку, в банку при этом попадают лишь самые отборные.

Конечно, я приезжал сюда и утром, в воскресные дни. Но есть какая-то особая прелесть в вечернем сборе земляники. Когда солнце уже ушло, а накаленные за день поляны излучают ровное сухое тепло, напоенное насыщенным земляничным духом. После проведенного в городе, на работе, суматошного дня, как интересно вдруг очутиться в лесном одиночестве, попасть словно в другой мир, прожить за один день две маленьких, непохожих друг на друга жизни.

Изредка я приводил в эти места приятелей или сослуживцев. Но — никогда на заветную полянку, ревниво оберегая ее от постороннего взгляда. Исключение я делал только для той, которая с некоторых пор стала сопровождать меня в ягодных и грибных похождениях. Назовем ее для краткости Н.

Странно, но в моих заповедных ягодных угодах совершенно не было грибов. Впрочем, могу и ошибиться. Человеческая психика устроена так (это подмечено давно и не мною), что идущий за ягодой не замечает грибов, а грибник равнодушно проходит мимо ягодных полян. Вполне вероятно, что со мной (а с некоторых пор, и с нами) происходило то же самое.

Впрочем, однажды эта особенность была нарушена.

В одну из обычных ягодных поездок Н. ушла на запасной участок и вдруг перестала отвечать на мое ауканье.

Зная, где приблизительно она могла находиться, я остановил ягодный конвейер и на всякий случай решил сходить и проверить, что там могло с нею стрястись. Еще издали я увидел Н. за необычным занятием. Она сидела, опустившись на колени и положив на них руки, перед довольно большим грибом, форма и цвет которого мне были незнакомы. Такого гриба я никогда раньше не видел. Он невольно заставлял разглядывать себя, притянув мой взор, еще минуту назад безраздельно отданный землянике.

— Что это? — спросил я Н.

— Белый гриб, — ответила она, продолжая благоговейно рассматривать находку.

В другой раз мы не спеша петляли на мотороллере по лесной тропинке. Внезапно Н. попросила остановиться и, счастливо смеясь и что-то выкрикивая, кинулась в сторону от дороги. Поставив машину на подножку, я отправился вслед за ней. И снова все повторилось. Коренастый гриб благородного шоколадного цвета, с мощной литой ножкой, не скрываясь и не маскируясь, стоял недалеко от тропинки, по которой мы только что ехали. Он снова заставил мою спутницу опуститься перед ним и углубиться в его безмолвное созерцание.

Ну, конечно, я слышал, что на свете существуют белые грибы. Правда, об их названии я как-то не задумывался. Ну, белые и белые... Бывают же рыжие рыжики. Значит, и у белых грибов есть, наверное, что-то белое. И потом, говорим же мы «белый танец», «белая книга», «белый офицер», наконец. И никому не приходит в голову связывать эти понятия именно с цветом. Народ в словах не ошибается. Чрезвычайно редко, но в нагорном бору я встречал следы срезанных каких-то неведомых исполинов, оставшаяся в земле ножка которых была толщиной, я нисколько не преувеличиваю, едва ли не в человеческую руку. И белая на срезе. Я сам хорошо был знаком с азартом завязатого грибника, вдруг наткнувшегося на нетронутую груздевую поляну или набредшего на выводок крепеньких боровых рыжиков. И бесчисленное количество раз испытал радость, срезая один за другим очередной лесной трофей. Но никогда при этом не испытывал того трепета, который вдруг почувствовал, очутившись врасплох, неподготовленным, перед увиденным, по существу, впервые реальным белым грибом.

Японцы, со своим веками формировавшимся эстетическим восприятием природы, давно придумали специальный термин для обозначения особенного отношения к окружающему их естественному миру — любование.

Любование самой лучшей в сезоне полной луной в определенный день (вернее, вечер) года и с определенного места. Любование падающими крупными хлопьями первого снега мягкой японской зимы. Причем, соседей не удивит, если японцу при этом нужно будет настезь открыть окно с непрозрачной, мешающей

любоваться этим снегом бумагой из рисовой соломы, заменяющей стекло. Да что там соседи! Соседи и сами поступят, скорее всего, точно так же. Любование несколькими камнями, расположенными в известном только японцам порядке. Любование, наконец, общенациональной святыней — горой Фудзиямой, чья вечно белая конусообразная вершина обошла весь мир в бесчисленных фотографиях и картинах.

Да и какого городского жителя, если он к тому же равнинный человек, совсем не обязательно японца, могут оставить равнодушным снеговые горы? Если за очередным поворотом знаменитого Чуйского тракта неожиданно открывается лежащая внизу плоская котловина Курайской степи с сияющей на горизонте грядой белоснежных вершин Северо-Чуйского хребта.

Мы, четыре путешественника (и три мотороллера), далеко не сентиментальные, немного огрубевшие в чисто мужской компании люди, с легкостью отпускавшие при случае крепкие русские словечки, уже попривыкшие к нетронутым цивилизацией красотах Горного Алтая, разом, не сговариваясь, съехали с дороги и заглушили моторы.

Мы не разразились восторженными кликами, не всплеснули руками и уж, конечно, не попадали на колени.

Курящие закурили, и все мы с тайным смущением сделали вид, что любимся не сверкающими исполинами, а следим за крошечным букашкой-автобусом, который еле полз по видимой части проселочной дороги, идущей в сторону хребта, где был расположен, мы это знали, высокогорный альпинистский лагерь Ак-Тру. Только этот автобусик, ничтожная белая соринка на выжженной солнцем степи, и давал возможность оценить истинный масштаб расстилающейся перед нами долины и далеких снежных великанов, у подножья которых темно-зеленая, почти черная тайга выглядела просто мхом. Выше кромки этой чуть заметной шерстки сразу начинались белесые языки ледников. А еще выше лежали вечные снега, отделенные от неба призрачной воздушной линией замерших островерхих вершин. Самые высокие из них упирались в неподвижные облака, отбрасывающие на спящие снежные поля легкие голубоватые тени. Казалось, нога человека

никогда не осквернит этой девственной белизны, такой же недосягаемой, как обманчивая твердь безжизненной пустыни верхней кромки облачности, что расстилается далеко внизу под крылом набравшего высоту реактивного самолета.

Северо-Чуйские белки. Такое краткое, емкое и меткое слово — белки. Да ведь и главная вершина Алтая тоже называется близким, родственным словом — Белуха. Мне посчастливилось пробыть сутки у подножья этой двуглавой белой громады, увидеть циклопические нагромождения тающего ледника, из-под которого вырывался шумящий полноводный поток — Катунь.

Свидетельствуя, что более точного имени этой горе трудно придумать.

Да, народ редко ошибается в названиях. И как важно, что слово «белки» местное, бытует в говорах только здешнего населения, и за пределами Алтайского края, по всей видимости, не употребляется.

Спустимся теперь с заоблачных высот на землю и попробуем выстроить любопытную цепочку: белки, Белуха, белый гриб.

Все они способны быть объектом любования. Но ведь какая разница! Величественный горный хребет. Увиденная раз в жизни, после изнурительного двадцатидневного пешего перехода с рюкзаками, на сухарях и перловке, действительно блистательная, чуть ли не пятикилометровая двуглавая вершина. И крошечный, микроскопический, если сопоставить масштабы, гриб, к тому же еще и названный по какому-то необъяснимому недоразумению условным, непонятым именем... И неужели по степени воздействия на созерцателя он может поспорить с этими горными исполинами?

Чтобы разобраться, не нужно путешествие за тридевять земель. Достаточно сесть с грибной компанией в автомобиль и отправиться в деревню Рагозиха, что за Павловском, примерно в семидесяти километрах от Барнаула.

Специалисты утверждают, что белые грибы начинают идти в рост, когда сумма среднесуточных летних положительных температур достигает примерно тысячи градусов. При нашем коротком сибирском лете величина набирается только к сентябрю.

На этот месяц, уже в пору первых утренников, когда в машине, если не включить отопление, мерзнут ноги, приходится самый щедрый, последний по счету, как говорят грибники, третий слой грибов. В городе уже заканчивается листопад, а в лесу, почва которого лучше сохраняет летнее тепло, березки и осинки еще стоят в желтом и багрово-красном осеннем наряде, только начиная ронять на землю первые золотые и медные монетки. Сосны уже вовсю сыплют отмирающей хвоей, покрывая весь накопившийся за лето человеческий мусор, и в лесу становится по-осеннему чисто и просторно.

Белый гриб — невозможный привереда.

В нагорном бору я знаю лишь одно место, которое устраивает этого капризулю. Но в конце сезона напитанная осенними дождями лесная дорога уже не пускает туда автомобиль.

Остается только Рагозиха.

Впрочем, за белыми не грех сгонять и в Ларичиху, за Тальменку, когда на счетчике спидометра появляется цифра далеко за сотню километров.

Но теперь мы едем в Рагозиху.

Это тоже моя сокровенная, персональная, но теперь уже грибная делянка, нащупанная многократными пробами и ошибками, изученная вплоть до отдельного дерева и грибницы.

После мотороллера, естественно, автомобиль кажется верхом комфорта и роскоши. Можно откинуться на спинку сиденья, переменить позу, держать руль тремя, двумя пальцами руки, даже бросить его на некоторое время. Но из процесса перемещения на автомобиле уходит нечто существенное и даже прекрасное, присущее только моему старому двухколесному приятелю.

На мотороллере или мотоцикле — вы кентавр, составляющий единое целое с неистово ревушим механизмом, вынужденный каждое мгновение держать равновесие, чутко реагируя на малейшее изменение дороги и удерживая в повиновении механического скакуна положением тела или движением руля.

После часа езды руки и ноги затекают, начинает болеть шея, нужно остановиться, размяться и передохнуть. Но зато мотороллер — это самолет, идущий на бреющем полете, когда земля

или дорога — вот они, рядом. Когда цветы и листья бьют вас по лицу. Когда все ветра и дожди ваши.

Но летá, летá...

Недаром говорят, что двадцатилетний мечтает о велосипеде, тридцатилетний подумывает о мотоцикле, а после — об автомобиле.

Но мы отвлеклись.

Так что же требует наш лесной привереда?

Ну, прежде всего старый, начиная с пятидесятилетнего возраста, а еще лучше вековой, предпочтительно хвойный лес.

Однажды, поверив журналу «Наука и жизнь», мы с Н. специально набрали в Рагозихинском лесу ведро старых перезревших грибов, в том числе и белых. В строгом соответствии с журнальной инструкцией Н. наполнила ведро водой, хорошенько перемешала содержимое до состояния однородной массы и все это вылила под заматеревшую двадцатилетнюю березу, растущую в нашем саду. О сроках эксперимента журнал скромно умолчал. Прошло восемь лет. Мы давно уже забыли о нашем легковерном поступке. Но процесс, как сейчас модно говорить, пошел. И вот на девятый год, к нашему изумлению, под еще более заматеревшей березой вдруг полезли грибы: масляники, подберезовики, грузди. Маленькие, корявые, даже уродливые, но грибы! Однако ни одного белого гриба мы так и не дождались. Его спорам чем-то не понравилась, видите ли, недостаточно солидная по возрасту береза. Чем? Неизвестно. Тайна, загадка.

Итак, старый, вековой сосновый лес, в нашем случае ленточный бор. Но этого еще слишком мало. Так, разминка. Легкий каприз.

Место должно быть сухим, лучше чуть возвышенным, допускается очень пологий скат. Деревья, в нашем случае вековые сосны, должны стоять не слишком густо, но и не слишком редко. Впрочем, сосны в этом возрасте по-другому и не растут. Тогда под ними и царит тот полусвет или, если хотите, полутень, которую единственно любят белые грибы.

Не возражают они и против небольшого подлеска. Лучше, если молодая сосновая поросль, можно и березки, но не сплошняком, а отдельными группами. Благоприятен мох-беломошник в умеренных количествах. Но — никакой травы! Только ровный толстый слой опавшей хвои. И вообще, белогрибной лес должен выглядеть словно хорошо прибранная комната у любящей аккуратность хозяйки. «Чистотки», — как говаривала моя бабушка.

Но и этого мало! Место должно быть недалеко от человеческого поселения. Белые грибы любят, чтобы их посещали, тревожили, ими любовались. Почему? Не знаю. Еще одна тайна.

Но не много ли тайн и загадок для одного гриба? Вот вам еще одна загадка. Тайна его красоты.

Посмотрите на нашего давнего знакомца мухомора. У кого еще вы можете найти такую стройную длинную ножку с кокетливой бахромой? Кто будет уже издали привлекать овальной, ярчайшего насыщенного красного цвета, как пасхальное яйцо, шляпкой? Да еще с величайшей продуманностью разукрашенной белыми звездочками... Красавец! Артист!

Но этому артисту вы можете пренебрежительно поддать ногой. И не потому только, что гриб — обыкновенная поганка. Кричащую красоту мы всегда инстинктивно воспринимаем как фальшивую и в чем-то ущербную.

Ну, хорошо. Белый гриб — не поганка. Больше того, белый гриб нередко называют ценнейшим пищевым продуктом. Пусть будет так. Хотя это, на мой взгляд, весьма спорное утверждение. Как же тогда прикажете называть хлеб? Бесценным? Уникальным? Наш соотечественник никогда не научится есть одновременно ножом и вилкой, как, скажем, европеец. У нашего человека одна рука всегда занята куском хлеба. И всякое кушанье для него — лишь приворок, добавление к этому на самом деле абсолютному эквиваленту любой еды.

Но разве вспоминаем мы о ценнейших пищевых качествах, благоговейно созерцая белый гриб? Или вкусное всегда должно быть красивым?

Подойдем с другого бока.

Часто мы связываем прекрасное с неповторимым мгновением, чем-то кратковременным, мимолетным.

Сколько раз громом мотороллера в какой-нибудь лесной глухомани я вспугивал лося, а то и двух сразу. Треща сухим валежником, ломая молодые деревья вылетали они на открытое пространство и, закинув назад лопасти рогов, широких как лопаты, прекрасным видением тут же исчезали в лесной чаще. Или на короткое, но тоже прекрасное мгновение появлялся и тут же исчезал казавшийся золотым силуэт грациозной косули. Даже встреча с обыкновенным зайцем, до последней секунды таившимся в высокой траве и испугавшим меня, наверное, больше, чем испугался он сам, когда бросился из-под моих ног наутек, надолго остается волнующим воспоминанием.

Прелесть неповторимых секунд приобщения к сокровенной жизни дикой природы как бы переносилась и на самих ее представителей.

Но вот однажды, случайно проезжая на мотороллере мимо теперь уже бывшей учительской пашни, заброшенные картофельные участки которой успели зарости ровными рядами соенок, посаженных Первомайским лесничеством, и молодыми березками и осинками, выросшими сами по себе, я буквально наткнулся на пасущегося лося. Не доезжая до зверя двух десятков шагов, я остановил мотороллер, заглушил мотор, поставил машину на подножку, повернулся боком и устроился на сиденье, как в театральном кресле. Лось даже ухом не повел. Он продолжал сдирать кожицу молодой осинки, словно не было ни приближающегося шума мотора, ни появления моей персоны. В конце концов, такое пренебрежение с его стороны было просто обидным.

Но странное дело! Чем больше я его рассматривал, тем некачественнее он мне казался. Вместо стремительно несущегося дикого красавца, каким он и запомнился, лось предстал горбоносой нескладной животинкой с квадратным, по-коровьи обрубленным задом. Да это и была, по сути, большая, двухметрового роста поджарая корова без рогов (видимо, лосиха), непонятным образом забредшая в молодую посадку. О любви к ней не могло быть

и речи. Осталось только любопытство — как эта «корова» дальше будет действовать. Да никак. Лосиха расправилась с осинкой, оборвала еще несколько зеленых веточек на соседнем деревце и, так и не взглянув в мою сторону, неспешно удалилась.

Возвращаюсь к белым грибам. Речь, напомним, зашла об их красоте. Выдержат ли они испытание на любование? Ну, что же, попробуем, тем более, наш автомобиль давно уже миновал Рагозиху, перебрался по деревянному мостику через Касмалу, въехал в лес и остановился на том месте, где исполнены все прихоти наших лесных аристократов.

И сухо, и чисто, и в меру светло, и деревья под облака, и селение близко, и травы не видать, и хвои, как говорится, навалом, и мох есть, и подлесок тоже, и что еще надо, я не знаю.

Участок леса, где расположена моя грибная делянка, невелик: метров двести в ширину и метров триста в длину. Вот и все. С одной стороны пойма речки Касмалы. С противоположной — лежит болотце. А по бокам плантации — лесная дорога и просека. За пределами этого куска леса грибов практически нет, во всяком случае, белых. Впрочем, их и на том участке, где мы только что остановились, тоже пока не видно.

Где же они? Вот вам и еще одна новая задачка. При нерешенных первых.

Казалось, белый гриб — самый бесхитростный гриб в мире. Он растет на совершенно открытом месте, не таясь, не прячась, скажем, в траве, как масляник, не зарываясь в землю, как груздь, не распластываясь, как рыжик. Растет так же беззащитно, как мухомор, который, кстати, всегда является спутником, а значит, признаком обнаружения белых грибов. Но мухомор виден за версту. А белый гриб при самом внимательном его поиске обнаруживаешь только в тот момент, когда чуть ли не наступишь на него, как на того злополучного зайца.

Белый гриб — тончайшая художественная натура.

Если и появляется на свет, то в том единственном месте, где он становится завершающим штрихом любого лесного пейзажа, при котором все составляющие ландшафта приходят в полную гармонию и воспринимаются как одно художественное целое.

И пока эта гармония не нарушена, белый гриб не виден. Его нет. Он растворился в общей картине.

Но есть, конечно, и более прозаическая причина.

Все-таки это только гриб, а не деревянный грибок в рост человека, стоящий на детской площадке с песком, и смотрим мы на него сверху вниз, а никак не сбоку.

Преимущественная окраска белого гриба — какая угодно, но только не белая, и на фоне рыжеватой хвои при взгляде сверху маскировочный эффект присутствует.

Но вот вы чуть ли не наступили на него. И все мгновенно преобразуется. Окружающий вас пейзаж моментально исчезает. Остается лишь белый гриб. Еще секунду назад он был невидимой частью лесного интерьера. А теперь все, что его окружало: и вековая сосна, и упавшая с нее сухая ветка, и белая моховая подушка, и частокол молоденьких березок, — стало фоном, гарниром, докучливой подробностью к организующему центру всей композиции — белому грибу.

И непонятно, как все это могло существовать секунду назад без него.

Происходит мгновенное изменение масштаба, точки зрения и восприятия окружающего. Был мир и невидимый белый гриб. А стал белый гриб и все остальное.

Так в чем же тайна его умения так «держат» пейзаж?

Зайдем с еще одного бока и послушаем, что говорят о нем в книжках.

«Царь грибов...», «Маленький шедевр природы...», «Красавец...», «Гриб-талант...», «Как будто бы вместо разных духовых инструментов или гармоний заиграла вдруг скрипка...».

Набор метафор. То есть литературный прием, который говорит скорее о мастерстве пишущего, чем приближает нас к истине.

Давайте сами попробуем рассмотреть только что найденный гриб, пока он еще ждет своей участи и не очутился в корзинке. Белый гриб не заяц, не лось и не косуля. Он не убежит, не спрячется, не мелькнет призрачным видением на несколько секунд.

Прежде всего становится понятным, что он как бы вобрал в себя лучшие качества всех других своих лесных собратьев,

стал обобщением и выразителем примечательных черт дальних и ближних сородичей.

Если уж ножка, то мощная, крепкая, литая, решительно утолщающаяся книзу. У матерого белого гриба, я уже говорил, она достигает толщины человеческой руки. Ножка не боится быть неправильной, даже кривой, что, как ни странно, придает ей еще больше выразительности. Она не стремится поразить стройностью, элегантностью, кокетливостью. Но и не скажешь, что это нога. Нет, именно ножка. Пусть и с рискованными ассоциациями. Но это и опора, стержень, фундамент, на которых гриб возводит дальше свое основное здание.

А основное у любого гриба — шляпка. Но шляпку белого гриба не хочется называть таким именем. В нем таится нечто утонченное, изысканное, если не жеманное, как принадлежность женского туалета. В то же время и слово «шляпа» выглядит грубоватым и никак не подходит. Пожалуй, наиболее уместным будет слово «берет». Настоящий, без выкрутас, мужской берет с картины какого-нибудь старинного фламандского или немецкого мастера. Берет всегда чуть бесформен, всегда слегка набекрень, как бы небрежен, немного даже помят. Но ведь такой и выглядит голова всякого белого гриба. Здесь нет механического, конвейерного однообразия, присущего шляпкам груздей, рыжиков, волнушек, сыроежек и других уважаемых представителей грибного племени, которые, однако, не дотягивают до своего лидера.

Белый гриб — это всегда штучная, индивидуальная работа, свободная импровизация уверенного в себе мастера. В мире не найдется двух одинаковых белых грибов. И вот здесь действительно будет справедливым употребить слово — шедевр.

Каждый гриб несет голову на свой манер. То чуть набок, то вверх крутым куполом, то края прижаты к ножке, то они свободно расходятся, то поверхность изрыта впадинами, выступает буграми, выпуклостями. Кажется, что гриб не боится быть некрасивым, и, может быть, в этом и заключается главная тайна его красоты. Он не боится быть чуть неправильным, несимметричным, и не скрывает своих изъянов, которые вдруг вместе составляют индивидуальное целое.

Напрашивается хрестоматийная легенда о русской красавице Наталии Гончаровой, у которой, по словам ее современников, один глаз немного косил.

Только у белого гриба красота чисто мужская, сдержанная, даже грубоватая. Кстати, вы, наверное, заметили, что большинство грибов мужского рода, а ягода в большинстве — женского. А вот ядовитые грибы — все поганки. А не поганцы. Народ знает что говорит.

И снова тот же вопрос. Почему белый? Ведь вот он, настоящий белый гриб — груздь. Что может быть белее, мы уже убедились, только что извлеченного на свет подземного обитателя наших лесов? Так нет же, назван груздем, таким и лезет в кузов.

Ладно. Сдаемся. Берем знаменитый словарь Владимира Ивановича Даля, самого авторитетного собирателя и толкователя нашего языка. Находим нужную страницу и читаем: «Ученые названия грибов несколько запутаны...» И далее: «Названия не разобраны еще толком учеными, а известны только в народе».

Как же называют в народе этот гриб?

Даль перечисляет: боровик, боровой, олений, коровка, коровяк, подкоровник, медвежаник.

Час от часу не легче! Почему коровка? Что такое медвежаник? Я нарочно опустил из перечисления название, которое Даль поставил первым. Какое же оно? Белый гриб. Без всяких комментариев. Круг замкнулся.

Или вот еще название — боровик. Как его расшифровать? Значит, гриб, растущий в лесу, в бору. Но с таким же успехом боровиком мог быть назван и рыжик, и волнушка, и масляник, и тот же груздь. Дом-то у них общий — лес, сообщество деревьев, другими словами, бор. Снова тайна, загадка.

Грибники знают: как нет двух одинаковых белых грибов по форме, так и не найти двух одинаковых по цвету. Даже если они растут рядом. В нагорном бору белые грибы больше светловато-коричневого, с примесью желтизны, иногда песочного цвета. В Павловском лесу и за Тальменкой, в легендарной Ларичихе, настоящий взрыв красок. От темно-коричневого, почти красного, до вишневого, с фиолетовым оттенком. Постойте,

что-то знакомое. Ну, конечно! Ведь солнечный белый свет укладывается как раз в этот спектр: от красного до фиолетового. Уже, как говорится, теплее.

А вот и совсем горячо.

У граждан нашей страны находятся в пользовании, по прошлогодним данным, сто миллионов цветных телевизоров. Каждому владельцу ничего не стоит провести маленький несложный опыт. Нужно только не полениться взять хорошее увеличительное стекло и во время показа старого доброго черно-белого фильма приблизить его к экрану. Глазу откроется удивительная картина. Вы увидите, что вся поверхность кинескопа разбита на бесчисленное множество цветных, крошечных, даже через увеличительное стекло, окошечек, объединенных тремя цветами: красным, зеленым и синим. Уже само по себе — техническое чудо. Умудриться положить в каждый, невообразимо маленький, но четко очерченный прямоугольничек, нужную краску. И разве не большее чудо, что в каждый прямоугольничек нужно в определенный момент (двадцать пять раз в секунду) точно попасть одним из трех электронных лучей (кто их видел, эти электроны?) и засветить каждое из окошечек с нужной степенью яркости. Но чудеса на этом не кончаются.

Уберите увеличительное стекло, отодвиньтесь от экрана, и вся эта многоцветная картина необъяснимым образом пропадет: перед вами снова черно-белый фильм, то есть сочетание разной степени яркости одного цвета — белого. От самого яркого, до самого темного — черного цвета.

Цветное стало белым.

Представим теперь фантастическую картину.

Собраны по нашим бескрайним лесам тысячи, сотни тысяч, миллионы белых грибов с бесконечным разнообразием цветовых оттенков. И все они уложены в огромный квадрат, прямоугольник, словом, в гигантский экран. И не вспыхнет ли этот экран ослепительным солнечным светом, как белое чудо, вобрав в себя всю гамму красок, если бросить на него взгляд с небесной высоты?

Может быть, народ и в этот раз не ошибся, обозначив белые грибы именно обобщающим, объединяющим, вбирающим в себя все краски — белым цветом.

В 1983 году я наклонялся за спелыми земляничинами, собирал белые грибы, не подозревая, что они окажутся последними. На моей кардиограмме появилась крошечная зазубринка, которая надежнее непреступных Северо-Чуйских белков отрезала меня от ягодных и грибных угодий.

Мои более удачливые сверстники успели побывать в Европе, Азии, Африке, добрались и до самой Америки. Я им нисколько не завидую. Что мне Парижи и Нью-Йорки! Мне бы Ларичиху, заветную Рагозиху, Фирсово, на худой конец, Мохнатушку.

Но я не обижаюсь на судьбу. Может быть, и хорошо, что не успел пресытиться своими невинными лесными забавами. Говорят, что иногда полезно вовремя остановиться.

Будем считать, что я это сделал.